

**ЖЕНЩИНА
В РАЗВЕДКЕ**

**НАША
СОЮЗНИЦА—**

НЮЦЬ

**АННА
СТАРИНОВА**

Анна Корниловна Старинова

Наша союзница – ночь

Серия «Женщина в разведке»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18397430

Наша союзница – ночь. / Анна Корниловна Старинова.: Алгоритм;

Москва; 2015

ISBN 978-5-4438-0947-2

Аннотация

В 1964 году были изданы воспоминания полковника Ильи Григорьевича Старинова, человека по-настоящему легендарного в истории разведки. В его книге рассказывалось о секретной подготовке партизанской войны в начале 30-х годов, о диверсионных операциях в годы гражданской войны в Испании и о репрессиях 1937–1938 годов. Гражданскую войну в Испании Старинов прошел не один – рядом с ним всегда находилась переводчица, Анна Корниловна Обручева. После возвращения из Испании они поженились и прожили вместе без малого полвека. Предлагаемая вниманию читателей книга – первое полное издание воспоминаний Анны Корниловны Стариновой. Мемуары этой легендарной женщины охватывают временной период с ноября 1936-го до апреля 1939-го. Автор рисует живую картину происходящего, описывая свои впечатления от встреч с воевавшими в Испании советскими военспецами, подробно

рассказывая о диверсионных рейдах в тыл противника и об обучении испанских партизан. Знаменитый российский историк и публицист Александр Дюков провел сложнейшую работу по подготовке текста к печати, дополнил книгу предисловием и подробными комментариями.

Содержание

Предисловие	5
Впереди Испания	16
На испанской земле	32
Чемодан с минами	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна Старинова

Наша союзница – ночь

Предисловие

Пятьдесят лет назад, в 1964 году, Военное издательство Министерства обороны СССР выпустило в серии «Военные мемуары» небольшую книгу. Имя ее автора мало что говорило читателю, а указанное на титульном листе звание – полковник – смотрелось очень и очень скромно. Тем не менее, книга мгновенно стала библиографической редкостью – ведь в воспоминаниях полковника Ильи Григорьевича Старинова рассказывалось о вещах сенсационных: о секретной подготовке партизанской войны в начале 30-х годов, о диверсионных операциях в годы гражданской войны в Испании и о репрессиях 1937–1938 годов. После распада Советского Союза стало известно, что полковник Старинов – фигура по-настоящему легендарная, «дед советского спецназа». Его воспоминания стали своеобразной классикой мемуарного жанра и неоднократно переиздавались.

Гражданскую войну в Испании Старинов прошел не один – рядом с ним всегда находилась переводчица, Анна Корниловна Обручева. После возвращения из Испании они поженились и прожили вместе без малого полвека. Анна Кор-

ниловна никогда не стремилась к публичности, однако, тем не менее оставила после себя весьма интересные воспоминания. Как это ни парадоксально, но на русском языке из этих воспоминаний опубликованы лишь отрывки¹; относительно полная публикация была предпринята в 1995 году – но в переводе на английский язык и потому для отечественного читателя осталась абсолютно неизвестной².

Предлагаемая вниманию читателей книга – первое полное издание воспоминаний А.К. Стариновой. Хотя эти воспоминания и охватывают небольшой временной период – с ноября 1936-го до апреля 1939-го, они чрезвычайно интересны. Анна Корниловна вспоминает те же события, которые описал в своих воспоминаниях И.Г. Старинов – однако ее воспоминания более подробны и красочны. Там, где И.Г. Старинов ограничивается сухим описанием событий, А.К. Старинова рисует живую картину происходящего, описывая свои впечатления от встреч с воевавшими в Испании советскими военспецами, подробно рассказывая о диверсионных рейдах в тыл противника и об обучении испанских партизан. Эта красочность воспоминаний об «общественных» собы-

---

¹ *Старинова А.К.* Советник Кольман (Вильгельм Кумелан) // Борцы Латвии в Испании, 1936–1939: Воспоминания и документы. Рига, 1970; *Старинова А.К.* В тылу у мятежников // Мы – интернационалисты: Воспоминания советских добровольцев – участников национально-революционной войны в Испании. М., 1986; *Старинова А.К.* Наша союзница – ночь // Профи. 1997. № 5–6; 1998, № 1

² *Starinov A.K.* Behind Fascist Lines. A firsthand account of guerrilla warfare during the Spanish revolution. New York, 1995

тиях контрастирует со скупостью воспоминаний «личных». Отношения со своим будущим мужем Старинова набрасывает редкими штрихами, практически намеками:

Начальник вернулся поздно вечером и с ним пополнение.

– В нашем полку прибыло. Теперь у нас будут и братья-славяне: поляки, югославы, болгарин, чехи и словаки, будут немцы и австрийцы, итальянцы, американец, финны и французы. А два югослава прилично знают испанский язык и могут объясняться по-русски. Теперь тебе будет легче, – довольным тоном сказал мне Рудольфо.

– Может быть! – ответила я, обидевшись. И про себя подумала: «Вот какое он получил пополнение... Теперь я не нужна ему». Вот, думаю, ошиблась, что не осталась в Валенсии.

– Вижу, чем-то недовольна? Что тебя, Луиза, беспокоило? – ласково спросил Рудольфо.

– Почему ты не сказал мне в Валенсии о своем намерении? И на что я тебе теперь? – ответила я и отвернулась.

– Мы с тобой советские люди, нас вместе послали, вместе и будем работать. Ты теперь сможешь мне больше помогать. Мы будем действовать перед полосой южного фронта на большом протяжении, и мне одному не под силу справиться, а у тебя уже есть опыт, и при твоём знании языка и народа ты сможешь во многом заменять меня. Придется самостоятельно перебрасывать группы.

С художественной точки зрения зарисовка, кстати говоря, просто великолепная: буквально в нескольких абзацах рассказано и о чувствах автора воспоминаний, и о характере И.Г. Старинова. В дальнейшем своих чувств Старинова касается только несколько раз (точно так же, намеками), а о своем замужестве сообщает в двух скупых строчках:

Работая в Наркомпросе, я превратилась из Обручевой в Старинову. Проработав в Наркомпросе десять месяцев, я по совету врачей вынуждена была оставить работу.

Ситуация парадоксальная: Старинова достаточно откровенно рассказывает о вещах сов. секретных, связанных с разведывательно-диверсионными операциями, однако, как только речь касается личного, – замолкает. Обычно в воспоминаниях личность автора находится в центре событий; читателю же воспоминаний Стариновой образ автора приходится собирать по рассеянным то тут, то там «проговоркам». Еще чаще проговорок нет вообще. На первой же странице воспоминаний читатель узнает, что у автора есть маленькая дочь. Но почему она уезжает от дочери в Испанию? Растит ли она дочь одна – или у нее есть муж? Ни намек на ответ в воспоминаниях не найдется.

Если бы я был просто историком, мне пришлось бы остановиться на этой констатации. Однако Анна Корниловна бы-

ла моей прабабушкой; я сам (пусть и смутно) помню ее, а также имею возможность дополнить этот образ семейными рассказами. И потому знаю, что осталось за пределами мемуаров.

Моя прабабушка родилась в декабре 1900 года в селе Дорогорское Мезенского района Архангельской области, что на правом берегу реки Мезень. Места это северные, суровые и холодные. Матерью Анны была местная жительница, Ольга Степановна, а вот отец, Корнилий Дерягин, был пришлый. Говорили, что он пришел из Финляндии – хоть до Мезени от Финляндии расстояние и изрядное. Как вспоминала прабабушка, был Корнилий человеком религиозным, почти целыми днями молился, организовал в деревне кружок по изучению Библии. В дом к нему приходили желающие, Корнилий читал вслух Библию, разъяснял, если что было непонятно. Жила семья бедно, вся домашняя работа лежала на плечах жены. Детей в семье было четверо: Валентина, Анна, Николай и Александра. Как вспоминала прабабушка,

Жили бедно. Дети спали на одной кровати. Зимой темно-ло рано. Окна избы по северному обычаю располагались высоко, и снег доходил до самых окон. Утром рано не хотелось вставать из-под тёплого одеяла в нетопленную комнату. Мать будила по-простому, лопатой по ногам. И начинался трудовой день: мы помогали матери, которой было очень трудно. Колоть дрова, носить воду, топить печь...

Учились дети в сельской церковно-приходской школе, занятия в которой вёл местный священник, награждённый медалью за русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Преподавал Закон Божий, как мог – знакомил с русской литературой. Учил священник, по всей видимости, хорошо: в старости Анна Корниловна с удивлением говорила, что до сих пор помнит «молитвы и тропари, неизвестно зачем».

Впрочем, учеба была недолгой – надо было работать. Жизнь была тяжелой – что до революции, что после. В начале 20-х годов приходилось заниматься даже заготовкой леса и сплавом его по Мезени. Эти работы запомнились прапрабабушке как кошмар: тяжелая работа, холод, мокрые ноги. Работала она в артели далеко от родной деревни. После работы сушили одежду, отдыхали в бараке, в котором стоял запах табака, потной одежды. «Было душно, – вспоминала Анна Корниловна, – хоть топор вешай». Из-за тяжёлой работы, недоедания, недосыпания, плохой одежды, холода она заболела туберкулёзом. Этот кошмар она вспоминала всю свою жизнь. Выбравшись из Мезени, она никогда больше туда не возвращалась. В 60-е годы ее звали приехать – но она не хотела возвращаться туда, где ей когда-то было так плохо. Единственное, что связывало ее с малой родиной – северные песни, которые Анна Корниловна даже в старости пела с удовольствием.

Однако советская власть все-таки обеспечивала возмож-

ность повысить свое социальное положение. Свою дальнейшую судьбу Анна Корниловна обозначала пунктиром:

Несколько лет работала женделегаткой. Волостной комитет партии выдвинул меня на женработу. 8 марта 1926 года меня приняли в кандидаты партии большевиков. С 1926 года, по окончании губернских курсов женорганизаторов в Архангельске, работала женорганизатором, а дальше – учеба в [Северном краевом] комвузе и в Ленинградском восточном институте имени Енукидзе, где изучала английский и испанский языки.

Как обычно, ни слова о личном; а между тем, в 1926 году, она вышла замуж за приехавшего в Архангельск из Ленинграда партийного агитатора Федора Семеновича Обручева – человека видного и образованного. Зимой 1927 года у супругов родилась дочь Ольга, моя бабушка. Когда ребенку не было и года, Федор с Анной уехали в Ленинград. Надо было лечиться от туберкулеза, устраивать свою жизнь. Дочь оставили в деревне на попечении младшей сестры Анны – Александры. В Ленинграде Анна Корниловна поступила в Восточный институт им. Енукидзе, изучала испанский язык. Федор Семенович очень ей помогал, так как сам знал несколько языков. Когда жизнь более-менее наладилась, привезли из деревни дочь. Переехали в Москву, жили на Гоголевском бульваре; Федор Семенович работал в Главлите цензором,

Анна Корниловна – переводчицей в Международной ленинской школе. Покоя, однако, не было.

Федор Семенович на всё имел своё принципиальное мнение и всегда его высказывал. Его то исключали из партии, то восстанавливали опять... Середина 30-х... Тогда была очень нервная обстановка в семье.

От семейных проблем Анна Корниловна и поехала в Испанию.

Испания произвела на нее огромное впечатление. Много лет спустя Анна Корниловна рассказывала об апельсиновых рощах, о красоте испанской природы. Часто повторяла: «Quien no ha visto Sevilla, no ha visto maravilla» – «Кто не видел Севилью, тот не видел чудо». Возможно, именно для того, чтобы воскресить те прекрасные ощущения, она в 60-х годах и взялась за написание мемуаров.

Работа переводчицей при советнике по диверсионным делам Илье Григорьевиче Старинове оказалась нелегкой – приходилось и ходить в тыл к противнику, и самой преподавать испанцам диверсионное дело, и даже заниматься организацией разведки в тылу противника.

Мне было легче переводить на занятиях по разведке, чем по минно-подрывному делу. Работая в Ленинской школе, мне уже довелось заниматься вопросами конспирации, тайнопи-

си, организации связи в условиях нелегальной работы. И тут все пригодилось...

Прибыв в Хаен и установив контакт с Франсиско Кастильо, Рудольфо и Д. Унгрива начали организовывать разведывательную службу. Разведывательная работа так меня захлестнула, что мне пришлось выезжать на встречи, собирать и обрабатывать материалы, а позже – ставить задачи разведчикам.

Заместителем командира по разведке и начальником разведывательной службы был Агустин Фабрегас, наипытнейший подпольщик, прекрасный организатор и замечательный товарищ. Ему было около 60 лет, и он часто болел, приходилось мне не только помогать ему, но иногда и замещать его.

– Луиза! – говорил он сокрушенно, когда надо было составлять сводку или донесение. – Вы знаете, что интересуется Рудольфо, а что Кольмана, разберитесь и составьте донесения.

Со всеми этими специфическими задачами Анна Корниловна справлялась отлично, была награждена орденом Красной Звезды и представлена к ордену Красного Знамени. Однако представление это сгорело в топке советского корабля, остановленного для досмотра франкистами.

Казалось, что дальнейшая судьба Анны Корниловны, как и судьба многих других побывавших в Испании советских

переводчиц, будет связана с работой в военной разведке или разведке НКВД.

Однако по этому пути Анна Корниловна не пошла. После возвращения из Испании она устроилась в Наркомат просвещения, работала начальником управления спецшкол и детских домов, а потом в Интернациональном детском доме в Иваново, куда прибывали дети испанских республиканцев.

В 1938 году она развелась с мужем, Федором Семеновичем Обручевым, и вышла замуж за своего испанского начальника – полковника Илью Григорьевича Старинова. Он был далеко не единственным из советских «испанцев», ухаживавших за Анной Корниловной, – но выбрала она именно его.

В дальнейшем Старинова никогда не выходила из роли жены-домохозяйки, воспитывавшей двух детей – дочь Ольгу от первого брака и сына Владимира от второго. Выйдя замуж второй раз, она стала вполне счастлива. Дома супруги часто говорили по-испански, своего мужа она любила называть на испанский манер – «Люсито». Ее внучка, моя мама, вспоминала:

У дедушки и бабушки была забавная привычка: они решили, что каждый день надо радоваться чему-нибудь обязательно. «Ни дня без шутки» – это было их правило. Они прожили вместе всю жизнь, до её смерти в 1984 году.

О большей части из этого Анна Корниловна не сочла нужным писать в своих воспоминаниях. Она предпочла рассказывать не о своей жизни, а о том, что видела во время гражданской войны в Испании. Возможно, она была права: рассказ этот оказался чрезвычайно интересен и познавателен.

Александр Дюков

Впереди Испания

Москва, 16 ноября 1936 года.

Состав Москва – Столбцы давно подан.

Нетерпеливо пыхтит паровоз, как бы напоминая многочисленным провожающим, что пора прощаться.

Слышатся последние восклицанья, добрые напутствия, и поезд тихо трогается точно по расписанию.

– Как много провожающих, – подумала я, глядя в окно.

...Только не было среди них только моей восьмилетней дочки.

Вспоминаются последние минуты расставания с ней.

Я стою у раскрытого, еще утром уложенного чемодана, проверяя, все ли приготовлено в дорогу, а Оля, суется во-круг меня и пытаюсь мне помочь, старательно подкладывает в него вовсе ненужные в дорогу вещи, засыпая меня при этом градом вопросов.

Занятая своими мыслями, взволнованная и расстроенная предстоящей разлукой, забываю ей отвечать или делаю это настолько невпопад, что Оля чувствует что-то неладное. Девочка становится вдруг очень серьезной, затем неожиданно начинает жалобно и тихонько плакать:

– Мамочка! Возьми меня с собой на вокзал, ну возьми,

пожалуйста, возьми, возьми... и... и! – всхлипывает она.

Чувствую, что могу не выдержать... Защелкиваю запоры чемодана, ласково, очень ласково обнимаю и крепко целую Олю, затем быстро выхожу из комнаты, оставляя дочь с моей сестрой, приехавшей из Мезени в Москву по моей просьбе.

Я стояла у окна, глядя на огни удаляющейся столицы, и думала о дочери. Когда-то теперь доведется встретиться... Затем немного успокоилась и вошла в купе.

Мой начальник Александр Порохняк³ – невольный свидетель моих переживаний – попытался было приступить к изучению испанского языка, но из этого у нас ничего не получилось. Мне было не до того...

Мой попутчик, пожелав спокойной ночи, забрался на верхнюю полку и, видимо, заснул.

Поезд шел быстро, вагон плавно покачивало, было далеко за полночь, и все располагало к отдыху, а мне не спалось.

Сбылась моя мечта: еду в Испанию, к которой прикованы взоры всего мира...

Вдруг нахлынули воспоминания из моего детства...

Прошло двадцать лет после окончания мной церковно-приходской школы в затеряншемся на реке Мезени селе Дорогорском, известном лишь тем, что до Октября туда ссылали политических. В память прочно врезались слова отца,

---

³ Псевдоним И.Г. Старинова. (Примеч. ред.)

сказанные им еще в 1915 году:

– Ну, Анютка, ты, слава богу, выучилась читать, да и писать умеешь. Девчонке в солдаты не идти, пора за работу браться.

– Помогай, доченька, родителям... – добавила мать. – Хлеба на семь ртов до Рождества не хватает!

И определили меня нянькой в семью местного купца вначале за харчи, а потом – за целковый в месяц.

Но служила я у него недолго. Весной двухлетняя дочка купца залезла на подоконник, а я так увлеклась книгой, что и не заметила, как девочка упала на улицу... Хорошо, что все обошлось благополучно: обе отделались испугом. Но финал был печальным – узнали хозяева, выругали и прогнали. Родители опечалились.

С той поры пошла я батрачить. Но от книг не отвыкла, часто недосыпая, умудрялась читать.

За 10 лет батрачества пришлось работать у многих хозяев-богачей, чтобы заработать себе на пропитание и одежонку, да и по возможности – помогать родителям.

Довелось батрачить и у богатого оленевода. Много сотен оленей было у него, и тяжело мне доставалось. Но была молода и труда не боялась.

– Анна! – не раз говаривал мне захмелевший хозяин, – выдадим тебя замуж за богатого ижемца⁴, будут у тебя стада

---

⁴ Ижемцы – финно-угорская этногруппа коми (коми-зырян). Ижемцы традиционно занимались кочевым оленеводством. (Примеч. ред.)

оленей и станешь ходить в длинной малице⁵ с суюмой⁶, будут у тебя батраки.

К счастью, этого не случилось – пришла Советская власть и в наши края. Все коренным образом изменилось в моей судьбе.

Нехотя пошел хозяин на первое общее собрание и, вернувшись, зло сказал, показывая на своих батраков:

– Теперь они будут править, но недолго!..

Для меня началась новая жизнь. Сходки, собрания, беседы, антирелигиозная пропаганда, заготовка леса.

Несколько лет работала женделегаткой. Волостной Комитет партии выдвинул меня на женработу. 8 марта 1926 года меня приняли в кандидаты партии большевиков. С 1926 года, по окончании губернских курсов женорганизаторов в Архангельске, работала женорганизатором, а дальше – учеба в Комвузе⁷ и в Ленинградском восточном институте имени Енукидзе⁸, где изучала английский и испанский языки.

---

⁵ Широкое пальто без пуговиц, одевается с подола через голову. (*Примеч. ред.*)

⁶ Пришитый к малице капюшон из пыжика. (*Примеч. ред.*)

⁷ Комвуз – коммунистическое высшее учебное заведение. Наименование высших партийных учебных заведений в 1920–1930 гг. А.К. Старинова окончила Северный краевой комвуз в Архангельске. (*Примеч. ред.*)

⁸ Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе (с 1920 по 1922 гг. – Центральный институт живых восточных языков, с 1922 по 1924 гг. – Петроградский институт живых восточных языков, с 1924 по 1927 гг. – Ленинградский институт живых восточных языков, ликвидирован в 1938 г.) – высшее учебное заведение, готовившее работников для практической деятельности в странах Востока, а также научных работников для востоковедных вузов и академических

В 1935 году стала переводчицей Международной ленинской школы при Коминтерне⁹.

И вот теперь – международный вагон на пути в далекую, загадочную Испанию...

Сильно утомившись, не заметила, как уснула.

У пограничной станции «Негорелое» проснулась и вышла в коридор. Вблизи нашего купе у окна стоял в добротном костюме хорошо сложенный, симпатичный молодой человек. Когда вышел Порохняк, незнакомец окинул его взглядом с ног до головы. Мой начальник осторожно тронул меня за руку, и мы ушли в купе.

– Видела?

– По одежде вроде свой, а там кто его разберет...

– Будь внимательна и осторожна, – наставлял меня Порохняк.

На станции Негорелое пограничники и таможенники внимательно осмотрели все в вагоне и тщательно проверили наши документы.

Поезд тронулся.

Границу пересекли без остановки. На восточном берегу речки остались родные советские пограничники в зеленых

учреждений. (*Примеч. ред.*)

⁹ Международная ленинская школа – учебное заведение Коминтерна, основанное в Москве с целью обучения деятелей революционного движения стран Европы и Америки, действовала с 1926 по 1938 гг. (*Примеч. ред.*)

фуражках, на западном – уже стояли белопольские.

Через несколько минут поезд остановился на станции Столбцы. Непонятные для меня надписи, высокие жандармы, крикливые носильщики и первые, режущие ухо слова: «пан» и «пани».

Порохняк заметно изменился, как-то сторбился и, как я потом узнала, не без оснований: он почти десять лет работал в войсках Украинского военного округа, около трех лет занимался вопросом партизанской борьбы и боялся, что его узнают и не пропустят через Польшу, поскольку у польских панов к нему были свои счета¹⁰.

Жандарм просмотрел мой паспорт, мило улыбнулся и вернул его мне, затем взял паспорт моего начальника, внимательно и долго его разглядывал, иногда внезапно переводя взгляд на его владельца.

– Прошу, пан Порохняк! – наконец, изрек жандарм, возвращая паспорт.

Таможенники так внимательно «изучали» содержимое наших чемоданов, словно те были начинены алмазами или валютой, но изъяли только советские газеты и журналы.

Порохняк наблюдал за тем, как таможенники осматривают вещи других пассажиров.

---

¹⁰ В 1930–1933 гг. И.Г. Старинов являлся сотрудником разведотдела штаба Украинского военного округа и участвовал в подготовке к партизанской войне. Подробнее об этой работе см.: *Дюков А.Р.* Работа по линии «Д»: довоенная подготовка партизанской войны в СССР // *Старинов И.Г.* Супердиверсант Сталина. Мины ждут своего часа. М., 2004. (Примеч. ред.)

Когда стали проверять вещи ехавшего с нами в одном купе незнакомца, Порохняк весь превратился во внимание.

– Наш! Свой! И, возможно, едем по одному маршруту, – шепнул мне начальник.

И действительно, он оказался таким же, как и мы, добровольцем. В пути мы узнали, что был он танкистом и звали его Павлом.

Порохняк накупил целый ворох газет и начал их читать.

– Ну и брешут! – сказал он. – Если им верить, то мы уже опоздали. В республиканской Испании полная анархия, мятежники на окраине Мадрида, а их главарь – генерал Франко готовится к параду в столице.

В газетах было много фотографий из Испании. Тут и марокканские солдаты, и сам генерал Франсиско Франко. Вот он со свитой наблюдает в бинокль за ходом боя, на другом снимке – дети преподносят мятежному генералу цветы. Газета была за шестое ноября 1936 года.

– Одно меня успокаивает, – сказал Порохняк, – давно знаю, как брешут газеты панской Польши. – И стал читать вторую – за 16 ноября.

– И эта – врет, но не предсказывает скорого падения республики, – сказал он.

– Мы еще успеем... – заметил Павел.

Просматривая газеты, я невольно вспомнила начало фашистского мятежа.

Вспомнила, как вечером 18 июля 1936 года слушала ис-

панского лектора Международной Ленинской школы, где я работала переводчицей. Вернулась домой усталая и, как обычно, включила радиоприемник. На этот раз вместо ожидаемой музыки услышала неожиданную и печальную новость: в Испании начался фашистский мятеж, поднятый реакционными генералами.

Как только мы ни выражали своего возмущения, как только ни ругали организаторов мятежа испанские товарищи! Доставалось и другим руководителям республиканского правительства.

– Вот что получается, если вовремя не пресечь контрреволюцию! – заметил добродушный и жизнерадостный партийный работник из Андалузии – Филиппе.

На следующий день ничего угрожающего о положении в Испании в газетах не было. Но слушатели испанского сектора Ленинской школы волновались, как встревоженный улей. Из Мадрида радио вещало не веселую музыку, не репортажи о бое быков, а призывы к борьбе против фашистских мятежников, призывы к защите Республики, и уже передавались сводки о ликвидации отдельных очагов мятежа.

Народ встал на защиту своих завоеваний и, вопреки победным реляциям мятежников и их зарубежных вдохновителей, одерживал победу за победой.

Следующие дни принесли известия о разгроме мятежников в Мадриде, Барселоне и во многих других городах. Но на помощь внутренней реакции пришли итальянские фаши-

сты. Они стали открыто помогать мятежным генералам, нарушая все общепризнанные нормы международного права. Началась фашистская интервенция.

Стало известно, что утром 20 июля, при взлете с аэродрома под Лиссабоном потерпел аварию самолет, на котором в Испанию летел глава мятежников генерал Санхурхо. Но генералов у них было много, и на его место вступил ставленник германских фашистов – Франсиско Франко.

Прославившись своей жестокостью в борьбе против марокканских повстанцев под предводительством Абдель Карима, за кровавые злодеяния в 1926 году Франко был произведен в генералы.

В 1934 году Франко принимал участие в расправе над астурийскими горняками и был назначен начальником генштаба, а после победы Народного фронта на выборах 16 февраля 1936 года, вопреки требованиям коммунистов, этого матерого фашиста не посадили за решетку, а послали военным губернатором на Канарские острова.

Между тем события в Испании развивались быстро и совсем не так, как нам хотелось. На долю трудового народа выпала нелегкая задача – подавить мятеж и отразить нашествие итало-германских полчищ, посланных в помощь Франко.

Но республиканская Испания не имела ни современного вооружения, ни преданных ей командных кадров. В то же время мятежники беспрепятственно получали из Италии и Германии самолеты, боеприпасы, оружие, целые войсковые

части. Мятежникам также помогали и англо-американские нефтяные короли, снабжая горючим.

На защиту республиканской Испании встало массовое антифашистское движение во многих странах мира. Движимые чувством пролетарского интернационализма, в Испанию поехали добровольцы-антифашисты. Многие из них хорошо понимали, что над миром нависла грозная опасность.

В советской печати не было тогда сообщений о нашей военной помощи сражающейся Испании, но никто не сомневался, что СССР помогает не только испанским детям. Речь шла об отражении фашистской угрозы. И советские люди не могли стоять в стороне.

Август 1936 года был месяцем надежд и тревог, тяжелым месяцем для свободолюбивых испанцев. Жестокие расправы происходили над антифашистами в захваченных мятежниками городах и селах. Все прогрессивное человечество было возмущено злодеянием фашистов над населением Бадахоса, Балеарских островов, зверской расправой с великим поэтом Испании Фредерико Гарсиа Лоркой, расстрелянным в овраге под Гранадой в ночь на 19 августа.

В поезде, уносящем нас на Запад, я вспомнила и о том, как начался и мой путь в Испанию.

Вскоре после начала фашистского мятежа в Испании туда стали уезжать наши слушатели – испанцы, с которыми мне довелось работать. На прощание они приглашали нас прие-

хоть к ним.

Первым уехал мой однокурсник по институту Николай Андреев. Узнав об этом, и у меня зародилась мечта попасть в Испанию.

Я решила, что надо действовать по принципу «Не жди, пока пошлют, а сама добивайся». И я стала добиваться направления меня в Испанию в качестве переводчицы, как знающую английский и испанский языки.

Долго я добивалась осуществления своей мечты. Мое непосредственное начальство не обещало, но и не отказывало в моей просьбе. Наконец, я встретила с ректором Международной ленинской школы Клавдией Ивановной Кирсановой¹¹.

Еще до прихода в школу я много хорошего знала о ее ректоре. Ну а потом не раз слушала ее яркие речи на собраниях и совещаниях, восхищалась обаянием и простотой ректора,

---

¹¹ Кирсанова Клавдия Ивановна (1887–1947), советский партийный деятель. Член коммунистической партии с 1904 г. Родилась в семье служащего Кулебакского завода. Исключена из гимназии за участие в революционном движении. Во время революции 1905 г. вела партийную работу в Пермской организации РСДРП. Подвергалась репрессиям; отбывала 4 года каторги. В Якутской ссылке вышла замуж за Е. Ярославского. В 1922–1924 гг. заместитель ректора Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова в Москве. В 1926–1938 ректор Международной ленинской школы. В 1938 возглавляла Отдел вузов Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. С 1941 работала в агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП (б) лектором. С 1945 г. вела работу в Международной демократической федерации женщин, член Президиума Антифашистского комитета советских женщин. Награждена орденом Ленина и орденом Красной Звезды. (Примеч. ред.)

энергией и общительностью. Это был настоящий руководитель ленинской закалки. Ректор пользовалась большим авторитетом и всеобщим уважением.

Клавдия Ивановна всегда была во главе коллектива школы и вместе с ним. На субботниках, во время демонстраций она была впереди. На всех вечерах она вместе со слушателями танцевала и пела.

Как сейчас помню, ректор идет мне навстречу. Здравоваясь. На красивом, смуглом русском лице загадочная улыбка. Справляется о здоровье, работе и семейных делах. Разговариваем о событиях в Испании, о нашей помощи испанскому народу.

– Вы проситесь в Испанию, а как с дочерью? – неожиданно спросила она.

– Я уже пригласила сестру. Она возьмет на себя заботы о дочери, а в случае, если не вернусь, то при Советской власти не пропадет, вырастит, выучит и воспитает.

– Ну а если бы вам предложили поехать в длительную командировку? – неожиданно спрашивает она.

– Всегда готова! – отвечаю.

– Хорошо, товарищ Обручева, учтем! Но пока все между нами, – с улыбкой говорит Клавдия Ивановна.

Шли дни. События в Испании широко освещались советской печатью. Я читала корреспонденции Михаила Кольцо-

ва¹², поражаясь мужеству испанцев и отваге автора.

И вот внезапно ко мне на квартиру приходит незнакомая женщина.

Представилась: Урванцева – и предупредила, что все, о чем пойдет речь, я не должна разглашать.

Вскоре она пригласила меня к себе на службу и попросила заполнить большую анкету.

Урванцева внимательно прочла ее, ничего не сказала, но я уже догадалась, что это связано с возможной командировкой в Испанию.

Через несколько дней она вновь зашла ко мне и довольная сообщила:

– Ну вот и хорошо, что застала вас дома. Собирайтесь, пойдемте к товарищам, которые хотят с вами побеседовать.

Это было так неожиданно, что я немного растерялась, но, глянув на полную, добродушную и улыбающуюся Урванцеву, успокоилась.

Через полчаса я очутилась в большом учреждении, недалеко от моей квартиры на Гоголевском бульваре¹³.

Разговаривал со мной высокий, статный, с крупными чер-

---

¹² Кольцов Михаил Ефимович (1898–1940), советский писатель и публицист. Во время гражданской войны в Испании корреспондент газеты «Правда»; впоследствии испанские газетные репортажи послужили основой книги Кольцова «Испанский дневник» (1938). В 1938 г. отозван из Испании, арестован. Расстрелян в 1940 г., реабилитирован в 1954 г... (Примеч. ред.)

¹³ Речь идет о здании Разведуправления ГШ РККА, располагавшемся по адресу Гоголевский бульвар, дом 6. (Примеч. ред.)

тами лица и густой шевелюрой военный, как я потом узнала – Г.Л. Туманян¹⁴. Перед ним лежала моя анкета.

– Значит, вы готовы выехать в длительную командировку? – спросил он и ласково, по-дружески посмотрел на меня.

– Готова!

– А дочь?

– Устрою и дочь, родные и друзья присмотрят!

Недолго продолжалась наша беседа.

Гай Лазаревич был немногословен, но чувствовалось, что он уже многое обо мне знал, все было просто и ясно. Мы с ним тепло распрощались, и я поняла, что это не последняя встреча.

Меня опять предупредили, чтобы я никому ничего не говорила.

Прошло некоторое время, и я точно в назначенный час вновь была в кабинете Туманяна, где находился еще один незнакомец.

Нас познакомили, и я узнала, что меня назначают его переводчицей.

– Надеюсь, вы довольны, товарищ Порохняк? – спросил

---

¹⁴ Туманян Гай Лазаревич (1901–1971), советский военный деятель. Член коммунистической партии с 1917 г. В РККА – с 1924, в 1930–1935 гг. в распоряжении Разведывательного управления штаба РККА, работал в Китае. В 1935–1938 гг. начальник спецотделения «А» Разведупра. Участник гражданской войны в Испании. С 1938 – военный комиссар Военно-инженерной академии РККА. Во время Великой Отечественной войны – член Военного совета танковой армии. В 1957 г. – заместитель начальника Бронетанковой академии по политической части. С 1969 г. в отставке. (Примеч. ред.)

незнакомца Гай Лазаревич.

– Да, да!.. конечно, – как-то по-военному выпрямься и избегая моих глаз, ответил тот.

Глядя на своего будущего начальника, я еще не понимала, чем он будет заниматься в Испании.

Порохняк был в новом штатском костюме, и было заметно, что он его стесняет – в нем угадывался военный. Это, видимо, заметил и Гай Лазаревич.

– Вы теперь не военинженер 3-го ранга, – сказал он, – а гражданин... Александр Порохняк.

Вскоре нас, вместе с другими отъезжающими в Испанию, принимал комкор С. П. Урицкий¹⁵.

---

¹⁵ Урицкий Семен Петрович (1895–1938), руководитель советской военной разведки. Член коммунистической партии с 1912 г. В 1915 г. призван в царскую армию. В 1917 один из создателей Красной гвардии в Одессе. В Гражданскую войну командир и комиссар кавалерийских частей 3-й армии, начальник штаба 58-й дивизии, командир бригады особого назначения 2-й Конной армии. В 1920 – начальник оперативного отдела Разведывательного управления Полевого штаба РККА. В 1922–1924 годах нелегально работал в Германии, Франции и Чехословакии. С 1924 – помощник начальника, начальник и комиссар Московской интернациональной пехотной школы. С июня 1927 – командир и комиссар 20-й стрелковой дивизии. В 1929–1930 гг. – заместитель начальника штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1930–1931 гг. командир и комиссар 13-го стрелкового корпуса. В 1931–1932 гг. начальник штаба Ленинградского военного округа. В 1932–1935 гг. заместитель начальника Управления механизации и моторизации (с ноября 1934 – Автобронетанковое управление) РККА. В апреле 1935 г. возглавил 4-е (разведывательное) управление Генштаба РККА. В июне 1937 г. назначен заместителем командующего войсками Московского военного округа. Арестован 1 ноября 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре и шпионаже, расстрелян в 1938 г... В 1956 г. реабилитирован

Семен Петрович предупредил, что впереди много трудностей, опасностей, но мы должны обязательно оправдать оказанное нам высокое доверие.

Он вспоминал о больших испытаниях, которые наш народ перенес в войне против белогвардейцев и иностранных интервентов в 1918–1920 годах.

Заканчивая беседу, Урицкий сказал:

– Надеюсь, вы сделаете все, чтобы помочь испанскому народу защитить свободу и демократию в борьбе против фашистских мятежников и интервентов!

Переночевали в Варшаве, проехали через Чехословакию, в Вену. На следующий день экспрессом прибыли в Париж. Нас встретили и помогли ознакомиться со столицей Франции. Вечером 22 ноября мы наконец выехали в Испанию.

На испанской земле

О положении в Испании мы имели самые превратные понятия и очень смутно представляли обстановку, в которой там окажемся.

Рано утром поезд вынырнул из тоннеля, и мы увидели безбрежное Средиземное море, озаренное первыми лучами солнца. Оно медленно поднималось из-за горизонта, и на склонах гор уже были видны сады с мандариновыми деревьями и яркие красные цветы около домиков.

– Это в ноябре! – заметил Порохняк. – А каково здесь летом?..

За окном простиралась страна, которую я изучала в Институте, с людьми которой я уже была знакома по работе в Международной ленинской школе, а в вагоне уже слышалась испанская речь.

Поезд остановился. Маленький перрон заполнен встречающими.

– Салуд камарадас!

– Вива Руссия! Вива эл фронте популяр!

Цветы, много цветов, радостные возгласы приветствий, крепкие рукопожатия. Все волновало и трогало до слез.

На испанской земле я почувствовала себя как дома. Теплая встреча с народом, давшим первый вооруженный отпор наглому фашизму, сроднила нас.

Но не все здесь радовались прибытию добровольцев. На перроне я заметила человека с тоненькими усиками и черно-красной повязкой на шее. На ремне через плечо у него висел огромный пистолет, а лицо выражало не то недовольство, не то злобу. Это был один из многочисленных каталонских анархистов. Но тогда я еще не представляла, какой вред они наносят делу борьбы против фашистских агрессоров.

Городок Портбоу с северо-запада и востока прикрыт горами. На их склонах трудолюбивые крестьяне возделывали цитрусовые и виноград.

В ожидании поезда мы гуляли по городу, любовались бескрайним синеватым Средиземным морем. На горизонте, словно игрушечные, маячили неизвестно чьи суда. Из далекой Африки тянул теплый ветерок.

Если бы не люди с винтовками, не лозунги и призывы на стенах, не возгласы маленьких продавцов газет о первых победах над фашистами, трудно было бы поверить, что совсем недалеко идут бои, что Испанская Республика в смертельной опасности, а мятежные генералы пытаются огнем и мечом поставить на колени свободолюбивый испанский народ, установить в стране свою диктатуру. Предсказания буржуазной печати о скором падении Республиканской Испании, о быстрой победе мятежников не сбылись. Испанский народ не покорился, не сдался на милость мятежников и интервентов, в упорной борьбе неся тяжелые потери, отстаивал свободу.

Вскоре мы покинули гостеприимный Портбоу.

Море скрылось. Поезд шел в горы.

Сады, виноградники, рощи, цветы. На станциях флаги и знамена. Лозунги со стен призывают к борьбе с фашизмом.

Вечером мы приехали в испанскую жемчужину Средиземного моря – Барселону, столицу Каталонии.

Величественны ее зеленые бульвары, красивы площади и проспекты. Впечатляют большие заводы, длинные набережные и крупный порт.

Повсюду федеральные флаги Каталонии, алые полотнища Объединенной социалистической партии Каталонии, единой партии коммунистов и социалистов, черно-красные знамена анархистов и, куда реже, государственные флаги Испании.

В неповторимо красивом большом городе с миллионным населением жизнь била ключом. Все люди казались жизнерадостными. На улицах много зелени, цветов, музыки, слышны песни.

Город заполнили автомобили: десятками они стояли у кафе, баров, неистово сигналив, сновали по улицам. На большинстве машин были флажки анархистов с надписью «FAI–CNT»¹⁶. Эти надписи пестрели на многих автомашинах, на-малеванные сзади, спереди и по бокам. Меньше было машин

---

¹⁶ CNT (Confederación Nacional del Trabajo, Национальная конфедерация труда) – испанская конфедерация анархо-синдикалистских профсоюзов. FAI (Federación Anarquista Ibérica, Федерация Анархистов Иберии) – боевое крыло CNT. (Примеч. ред.)

с красными флажками и еще меньше – с государственными.

Здесь мы распрощались с Павлом-танкистом. В дороге мы так сдружились, будто были давно знакомы.

– Живы будем, обязательно встретимся! – сказал Павел, прощаясь.

– Встретимся, – подтвердила я, хотя в то время отнюдь не была уверена, когда это произойдет.

Мы действительно встретились, но об этом впереди.

В Барселоне мы заночевали. Администратор гостиницы нас предупредил:

– У нас очень строго со светомаскировкой, соблюдайте ее. Прежде чем включить свет, хорошенько зашторьте окна. Будьте осторожны и внимательны. – И, лукаво посмотрев на нас, добавил: – Если заметят свет, могут обстрелять.

Мне не спалось: с улиц доносились звуки сирен автомашин, музыка, пение, одиночные выстрелы и временами перестрелка.

Я вышла из номера.

Пожилая дежурная по этажу производила уборку.

– Сеньора, кто это стреляет? – спросила я.

– Возможно, пятая колонна¹⁷. Их люди иногда, особенно

---

¹⁷ В начале октября 1936 года, перед наступлением на Мадрид, конкурент Франко на пост главнокомандующего мятежными силами, генерал Моле, заявил, что против Мадрида действуют пять колонн: четыре с фронта, а пятая – подпольная, в самом городе. Тогда Мадрид устоял от наступления всех пяти колонн

ночью, выползают из своих нор и нападают на народную милицию, а может быть, милицианос анархистас – для храбрости, – ответила та невозмутимо.

Вернулась в номер, не включая свет, приподняла штору и была поражена: по улицам, нарушая светомаскировку, двигались взад-вперед автомашины.

Поезд в Валенсию уходил после обеда, и мы еще раз вышли в город.

Барселона раскинулась амфитеатром по побережью бухты. Шла война, и в огромном порту было мало судов, хотя до мятежа их здесь бывало до пяти тысяч в год.

В старой Барселоне дома четырех-пятиэтажные, и даже двух-трехэтажные, с многочисленными балконами, кривые узкие улицы, где трудно, а иногда и просто невозможно разминуться и двум машинам.

В Новом городе – широкие улицы, красивые здания, аллеи и парки, много кафе, цветов и музыки.

Что меня особенно поражало в Барселоне – на многих зданиях, занимаемых комитетами анархистов, – огромные, художественно выполненные портреты Бакунина и Кропоткина.

Треть города – «красное кольцо» – рабочие пригороды.

благодаря героизму войск, защищавших столицу Испании, и помощи Советского Союза. С тех пор «пятая колонна» стала символом для фашистов, действовавших в тылу республиканской армии. (Примеч. ред.)

На некоторых улицах, у ряда предприятий на окраинах еще оставались баррикады из мешков с песком, из камней разобранных мостовых и даже в одном месте – из бутылок и бутылей.

На улицах былолюдно, но и тут война давала о себе знать. Продавцы газет напоминали о ней, выкрикивая сводки о положении на фронтах, заголовки очерков о боевых делах и подвигах; слышались песни о силе народа, о варварстве фашистов, о баррикадных боях прошлого. Теперь «красное кольцо» было хозяином всего, но черно-красные галстуки анархистов настораживали. Они выкрикивали много революционных и еще больше провокационных лозунгов.

– Иначе я себе представлял войну в Испании, – сказал мне однажды Порохняк, проходя мимо столиков кафе, вынесенных на улицу, где многочисленные военные с оружием и молодые люди спокойно и весело попивали кофе и вино и возбужденно разговаривали. Из музыкального автомата лились «Марсельеза», а потом – танго и фокстроты. Создавалось впечатление, что угроза миновала, что враг разбит.

В действительности шла борьба не на жизнь, а на смерть. Об этом мы знали еще до прибытия в Испанию, это подтверждали республиканские газеты и призывы на красных полотнищах.

На фронтах мужественный испанский народ с величайшей отвагой отражал фашистское нашествие, а в тылу самоотверженно работал на предприятиях, в сельском хозяйстве,

стараясь обеспечить войска всем необходимым.

– В эти тревожные дни на фронте солдаты страдают от непогоды, голодают и умирают от ран, а тут в тылу – льется вино и звучит музыка. Многие забыли о тех, кто сражается, – заметил Порохняк.

Республиканское правительство находилось в Валенсии, там были и военные власти, и наши советники, к которым мы должны были явиться.

После полудня мы выехали дальше к цели командировки. Справа виднелись горы, покрытые зелеными деревьями и садами, слева – сине-голубое Средиземное море. Местами железная дорога проходила по самому его берегу.

Поезд часто останавливался на станциях, и только поздно вечером, преодолев 350 километров, мы прибыли в Валенсию.

Несмотря на поздний час, добровольцев встречали представители организаций Народного фронта. Объятия, цветы, приветствия. В отличие от встречи в Портбоу, здесь меньше было черно-красных повязок и галстуков – опознавательных знаков анархистов.

Город был погружен во тьму, слышались приглушенные гудки автомашин.

По пути в гостиницу мы воочию ощутили войну. Увидели ее последствия: повозки и тележки беженцев из занятых мятежниками районов, запряженные мулами или осликами

с бедным скарбом, и самих беженцев с детьми; семьи батраков, рабочих, крестьян и интеллигентов, спасающихся от фашистского варварства.

Внезапно завывла сирена, предупреждая о приближении вражеских самолетов, прозвучали тревожные сигналы автомашин.

Для нас это была первая воздушная тревога, встреча с врагом.

Движение на улицах замерло. Одиночные машины с затемненными фарами, отчаянно сигналивая, пробегали по опустевшим улицам. Мы остановились у подъезда массивного темного здания. Ночь была теплая, звездная. Издали доносились раскаты взрывов. Наконец послышались длинные гудки отбоя, и улица стала оживать.

В ту ночь фашистские самолеты сбросили бомбы на окраины города. А солнечным утром продавцы газет, однако, кричали о победах республиканских войск. На площади торговали цветами, на многолюдных улицах слышалась музыка. Народ торжествовал: еще одно «наступление» мятежников на Мадрид отбито с большими для них потерями. Фашисты опять потерпели неудачу. «Но пасаран!» («Они не пройдут!») звучало не только как призыв, но и как уверенность в окончательной победе.

Радовался «успеху» испанский народ, радовались вместе с ним и мы. Я переводила Порохняку фронтовые сводки,

опубликованные в республиканских газетах. И тут он вспомнил, как польские буржуазные писаки из кожи вон лезли, доказывая, что дни республиканской Испании сочтены. Ложь и клевета, напечатанные крупными буквами, да еще с иллюстрациями, производили впечатление на неискушенных. Но все увиденное нами в Испании убедительно показывало, что буржуазная печать не только необъективна в информации, но – лжива и коварна, что ложь преподносится систематически.

Обрадованные новым поражением врага люди, может быть, забывали о том, что правительство Ларго Кабальеро не делало всего необходимого, чтобы завоевать победу, что международная реакция всячески срывала помощь республиканской Испании и помогала мятежникам и фашистским агрессорам, прикрываясь фальшивым лозунгом о невмешательстве.

Но в тот день все эти невзгоды не могли затмить победу героических защитников Мадрида. Всякая победа воодушевляет, но эта победа над разрекламированным реакционной печатью наступлением мятежников, как мы видели и слышали, вызвала ликование народа и укрепила его уверенность в окончательной победе над силами фашизма.

На следующий день нас с Порохняком принял старший военный советник, которого все ласково называли «стариком», хотя было ему немного более сорока лет.

В дороге Порохняк много рассказывал о ленинце, мужественном воине и талантливом разведчике – Яне Карловиче Берзине¹⁸, но я волновалась, идя на прием к нему, – и, как оказалось, напрасно. Все было проще, чем предполагала.

Порохняк просился в Мадрид.

– Не выйдет! Обстановка изменилась. Оставляю вас здесь... Придется начинать с малого... – сказал «старик». Потом он говорил о потерях фашистов под Мадридом, о неприступности обороны столицы.

– Для вас важно то, что сплошной линии фронта на других

---

¹⁸ Берзин Ян Карлович (латыш. Bērziņš Jānis; настоящее имя – Петерис Янович Кюзис (Pēteris Kuzis), 1889–1938), руководитель советской военной разведки, армейский комиссар 2-го ранга. Родился в семье батрака-латыша. В 1905 году вступил в РСДРП. Активный участник революции 1905–1907 гг. В 1907 г. за убийство полицейского приговорён к 8 годам каторги, но ввиду несовершеннолетия срок сокращён до 2 лет. В 1911 г. снова арестован за революционную деятельность и сослан в Иркутскую губернию, откуда бежал. Во время Первой мировой войны призван в армию, откуда дезертировал. Работал слесарем на заводах Петрограда. Во время Октябрьского вооружённого восстания член партийного комитета в Выборгском районе и член Петроградского комитета. С декабря 1917 г. работал в аппарате ВЧК РСФСР. В январе – мае 1919 г. – заместитель наркома внутренних дел Советской Латвии. С декабря 1920 на службе в Разведуправление РККА. В марте 1924 – апреле 1935 начальник 4-го (разведывательного) управления штаба РККА. С апреля 1935 г. по июнь 1936 г. – заместитель командующего войсками Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. В 1936–1937 гг. главный военный советник в армии республиканской Испании. В конце мая 1937 г. вернулся в СССР и вновь занял пост начальника Разведуправления. 1 августа 1937 снят с поста начальника Разведуправления с направлением в распоряжение Наркома обороны СССР. Арестован 27 ноября 1937 г. по обвинению в «троцкистской антисоветской террористической деятельности». Расстрелян 29 июля 1938 г. Реабилитирован посмертно в 1956 г. (*Примеч. ред.*)

участках нет, – заметил, улыбаясь, Ян Карлович.

В это время вошел помощник и доложил, что прибыли еще двое, назвав из фамилии.

– Очень удачно! – приветливо встречая их, сказал старший советник. – Знакомьтесь: Порохняк, Обручева, а это – Спрогис¹⁹ и Цитрон²⁰. Товарищ Порохняк, помогите Спрогису минами, их можно сделать на месте из подручных материалов, как обучали вы партизан в наших школах.

На прощание Берзин сказал:

– Народ испанский – очень хороший народ, ему надо по-

---

¹⁹ Спрогис Артур Карлович (Sproģis Arturs, 1904–1980) – сотрудник советской военной разведки. В РККА с 1919 г., после гражданской войны – на службе в пограничных войсках и органах ОГПУ-НКВД. В начале 30-х гг. участвовал в подготовке к партизанской войне в Белорусском военном округ по линии ОГПУ, начальник спецшколы, уполномоченный особого отдела ОГПУ БССР по линии «Д». Участник войны в Испании (конец 1936 – октябрь 1937), после возвращения в СССР – на работе в Разведуправлении. В начале Великой Отечественной войны – особо уполномоченный Военного Совета Западного Фронта по организации партизанского движения, одновременно начальник Оперативного диверсионного пункта по подготовке партизанских разведчиков и подрывников (в/ч 9903). В 1943–1944 гг. – начальник Латвийского штаба партизанского движения. (Примеч. ред.)

²⁰ Регина Цитрон – переводчица А.К. Спрогиса. Как вспоминал Лев Хургес, «приданная поначалу к группе Спрогиса переводчица Регина Цитрон, старая коммунистка, работавшая в подполье в Польше, по своему возрасту – за сорок лет, по здоровью и природным склонностям, оказалась непригодной для такой работы. Ее быстро забрали обратно и направили в авиацию в город Альбасете, а взамен прислали молодую девушку – Хосефу, в миру Елизавету Александровну Паршину» (Хургес Л. Москва – Испания – Колыма: Из жизни радиста и зэка. М., 2011). (Примеч. ред.)

мочь отстаивать свободу и независимость. Пойдете к генералу Ивону, он все оформит.

По дороге Порохняк рассказывал мне о том, как Петр Кюзис (так в действительности звали Я.К. Берзина) весной 1906 года участвовал в налете с целью реквизиции средств для партийных нужд. Об этих операциях в латышском крае положительно отзывался В.И. Ленин. Во время этой операции Берзин был ранен и схвачен полицией. Тогда ему не было еще и семнадцати, и это спасло его от расстрела, но его запрятали в тюрьму.

Выйдя из заточения, Кюзис активно работал в Риге, сочиня антиправительственные листовки и распространяя их. Его подпольная партийная работа была прервана новым арестом и высылкой в Иркутскую губернию. Началась первая мировая война. Петр Кюзис достал поддельные документы, превратился в Яна Карловича Берзина и бежал в Ригу, где продолжал работу в большевистском партийном подполье, участвовал в Великой Октябрьской революции, в вооруженной защите Советской власти.

Порохняк рассказывал о своих встречах с Берзиным в начале тридцатых годов.

– Берзин произвел на меня сильное впечатление. Что-то в нем было искреннее, обаятельное и в то же время такое решительное, что нельзя было забыть.

Когда позже мы узнали о подвиге Зорге, мне стала понятна и роль Яна Карловича в становлении этого героя-развед-

чика.

Вопреки нашим ожиданиям, генерал Ивон оказался советским человеком²¹. Он сделал все, чтобы Порохняк, как и сказал Берзин, сразу начал заниматься с небольшой группой партизан и превратил Порохняка в Рудольфа Вольфа, а меня – в Луизу Куртинг. К сожалению, позже нам эта конспирация часто не только не помогала, но даже и мешала... Ис-

---

²¹ По всей видимости, «генералом Ивоном» являлся резидент НКВД в Испании Александр Орлов, курировавший вопросы ведения партизанской войны. В своих воспоминаниях И.Г. Старинов описывает «генерала Ивона» как «плотного темно-русого человека». Орлов Александр Михайлович (настоящее имя Лев Лазаревич Фельдбин, 1895–1973 гг.), советский разведчик. Участник Гражданской войны, в мае 1920 года вступил в РКП(б). В 1920–1921 сотрудник Архангельской ЧК, в 1921–1924 студент Школы правоведения при Московском университете, с 1924 на работе Экономическом управлении ГПУ, с 1926 – на работе в Иностранном отделе ОГПУ. Выезжал командировки во Францию, Германию, США, Италию, Австрию, Чехословакию, Швейцарию, Великобританию, Эстонию, Швецию, Данию. В частности, с 1934 года работал с Кимом Филби и «Кембриджской группой». В сентябре 1936 года был направлен в Мадрид в качестве резидента НКВД и главного советника по внутренней безопасности и контрразведке при республиканском правительстве. Принимал непосредственное участие в организации контрразведывательной службы республиканцев и создании школ для подготовки партизанских и диверсионных групп для действий в тылу противника. В июле 1937, после получения приказа прибыть на советское судно «Свирь» в Антверпене, бежал во Францию, а затем в США. В 1953 г. опубликовал в США книгу «Тайная история сталинских преступлений», в 1962 г. – «Пособие по контрразведке и ведению партизанской войны». На многочисленных допросах в ФБР сообщил ряд сведений о работе органов госбезопасности СССР, но не выдал известную ему заграничную агентуру советской разведки. (Примеч. ред.)

панцы знали, что мы русские, и удивлялись тому, что мы не Иван и Мария, а Вольф и Луиза.

На следующий день мы с новоиспеченным Рудольфом спускались в холл гостиницы. День обещал быть жарким, и я надела шляпу. Перед входом в холл меня остановил охранник и вежливо сказал:

– Сеньорита, разрешите вам дать добрый совет. Снимите и оставьте здесь головной убор. Послушайте меня! А то, чего доброго, анархисты примут вас за шашистку, и тогда не оберётесь неприятностей.

Я вернулась – и раз и навсегда оставила шляпу. Надела черный берет.

Чемодан с минами

Позавтракав, выехали в расположение группы на окраину Валенсии и целый день занимались неизвестными мне тогда ещё партизанскими делами: делали какие-то «замыкатели» и «взрыватели», потом ставили их. Занимались каждодневно будничным, многотрудным партизанским делом, обучая людей диверсиям в тылу врага.

В институте и в Ленинской школе мне не приходилось разговаривать на партизанские темы, тем более о минах, взрывателях, взрывчатых веществах. Я часто не могла быть точной в переводе, не было необходимого лексикона. Рудольф, видя, что обучаемые не делают того, что он ожидал, поправлял их, а когда те опять делали не так, как надо, сердился на меня. Я и сама нервничала, а потому получалось еще хуже. Еле дотянула до вечера. Возвратилась усталая и разочарованная. Думала: «Вот уж не повезет, так не повезет». Было заметно, что и Рудольф переживал, и не только потому, что я не знала многих военных и специальных технических терминов, но и потому, что все начинали с нуля, на голом месте.

На следующий день опять занятия, опять с чемоданчиками, полными взрывчатки и разных взрывателей и мин, которые Рудольф делал вечерами.

В штабе нам дали испанское наставление по минно-под-

рывным работам, но в нем не было многих слов и понятий, которые употреблял Рудольф. Не было ни о минах и замыкателях, ни тем более о зажигательных и других диверсионных средствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.